

УДК 908(470)

В статье рассматривается производственная повседневность работниц Норской мануфактуры на рубеже XIX–XX в. Проанализировано, как производственные и бытовые условия влияли на здоровье и частную жизнь текстильщиц. Сделан вывод об изменениях гендерных ролей в рабочей среде, происходивших под влиянием крупного фабричного производства.

Ключевые слова: производственная повседневность; гендер; текстильная промышленность; Норская мануфактура.

The article considers daily life of female workers of Norskaya manufacture at the turn of the XX century. It is analyzed how working environments and living conditions affected the health and private life of women in textile industry. The author makes a conclusion about changing in gender roles among working men and women under the influence of large-scale factory production.

Keywords: work life, gender, textile industry, Norskaya manufacture.

Ю. А. Кривошеева

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: glory_lies@mail.ru

Женский труд в текстильной промышленности на рубеже XIX–XX в.: Норская мануфактура

Научная статья

Y. A. Krivosheeva

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Women Labour in the Textile Industry at the turn of the XX Century: Norskaya Manufacture

Scientific article

Женщина, традиционно занятая в домашнем хозяйстве, по мере развития промышленности принимала на себя новую роль – роль работницы. В XIX в. женский труд как в Европе, так и в России считался более выгодным и дешевым по сравнению с трудом мужским. По мере развития промышленности процесс производства требовал от работников меньших технических навыков и силы, к тому же женщины стремились к финансовой самостоятельности. Таким образом, женщины находили новые области применения своих сил, что нашло отражение в ряде исследовательских работ [1–4].

В России с 1882 г. на смену временным правилам по «рабочим вопросам» пришел комплекс узаконений, направленных на упорядочение и регламентацию производственной и бытовой жизни рабочих. Непосредственно женщин касался круг законов, ограничивавших или запрещающих те или иные виды работ на предприятиях [5]. Надзором за реализацией трудового законодательства занималась учреждённая в 1882 г. фабричная инспекция, но ввиду широкой географии промышленных предприятий, недостаточности штата инспекторов и ряда «особенностей», присущих фабричному © Кривошеева Ю. А., 2018

законодательству, осуществление полноценного контроля над его исполнением в полной мере было невозможно [6, с. 41–44].

Ярославская губерния на рубеже XIX–XX веков была одним из наиболее промышленно развитых регионов страны. Основную роль здесь играли предприятия легкой промышленности, прежде всего текстильной. В губернии отрасль была представлена в первую очередь такими предприятиями, как Ростовская, Романовская, Гаврилов-Ямская мануфактура. В Ярославском уезде крупнейшими текстильными фабриками были Ярославская Большая мануфактура (ЯБМ) и Норская мануфактура.

ЯБМ — одна из старейших фабрик страны — была промышленным гигантом, лидируя в регионе по всем показателям (оборудованию, численности рабочих, получаемой прибыли, качеству и размаху социальных программ для рабочих). Изучению различных аспектов работы данного предприятия посвящено немало научных работ, в рамках которых исследователями успешно был опробован и микроисторический подход [7].

Ситуация на Норской мануфактуре существенно отличалась от положения ЯБМ. При достаточно

успешном развитии фабрики «социальный аспект» оставлял желать лучшего: хотя руководство фабрики и придерживалось в своей работе законодательных установлений, реализовывать какие-либо продуманные и долгосрочные социальные программы по поддержке рабочих оно не стремилось [8, с. 83]. Условия труда были тяжелыми. Рабочий день длился более 14 часов в сутки и только ближе к концу столетия сократился до 11,5 часов; люди работали в две смены с шестичасовым перерывом, что не способствовало нормальному отдыху и восстановлению сил. Из воспоминаний работниц фабрики следует, что в цехах не было вентиляции, было грязно, жарко, душно, пыльно, газовые рожки и керосиновые лампы испускали зловоние, постоянно стоял шум [9, с. 15]. Подобная обстановка на производстве не способствовала укреплению здоровья рабочих.

Медицинская помощь на Норской мануфактуре не могла удовлетворить потребности всех рабочих. При фабрике с 1860 г. работала больница на 15 коек, в 1895 г. она была расширена: появилось новое здание на 24 койки. Таким образом, к концу столетия фабричная больница могла вместить только 39 пациентов. Лекарства были дорогими, и их не хватало. До 1900 г. при больнице не было врача; персонал состоял из фельдшера-провизора, его помощника, акушерки и двух сиделок.

По данным на 1901 г. на фабрике было зафиксировано 3697 заболеваний (на более чем 2 тысячи рабочих). Распространенными были болезни брюшной полости, грипп, нарывы, ревматизм; высокая заболеваемость приходилась на болезни зубов, полости рта и носа, заболевания дыхательных органов, глазные, кожные болезни и невралгию. Показатель «женских» болезней был значительно ниже (1,4 % от общего числа болезней), «мужских» болезней практически не наблюдалось (0,08 % от общего числа болезней). Несмотря на достаточно высокий показатель заболеваемости, по официальным данным смертность рабочих была низкой: из 3697 случаев болезней смертей было всего 9 (0,2 %), среди причин здесь лидировали чахотка, скарлатина и «удары». Похожее соотношение дают и документы последующих лет.

Самым значительным является число травм, полученных рабочими от машин (458 случаев, или 12 % от общего числа заболеваний). Соотношение травматизма женщин и мужчин составляло примерно 2 к 3. Наиболее распространенными у женщин были различные повреждения рук и ног;

травмы головы встречались достаточно редко. Регулярно в документах встречаются упоминания об ушибах, ссадинах, порезах, колотых и рваных ранах пальцев рук, ног, ладоней, пяток, ступней, предплечий и голеней. Нередко случались «срывы ногтей», «разрывы нарывов», ушибы лба и темени.

Травмы женщины получали в больших количествах вне зависимости от должности: в ведомостях о заболеваемости рабочих регулярно фиксировались случаи с трепальщицами, банкоброшницами, мотальщицами, ватерщицами, ленточницами. У мужчин наиболее травмоопасными должностями были должности прядильщиков, ставельщиков и присучальщиков. Характер травм мужчин отличался большей серьезностью повреждений: травмы колен, поясницы, ожоги, растяжения, повреждения глаз и висков встречаются чаще. В остальном мужской и женский травматизм были сходны.

Наибольшее количество травм рабочих фиксировалось обычно в утреннее и дневное время суток (порядка 2/3 случаев). Подавляющее большинство таких случаев происходило во время работы, причины ранений фиксировались далеко не всегда. Согласно фабричной документации наиболее подробные описания причин ранений и травм рабочих стали появляться лишь в 1904–1905 гг.

Самыми распространенными на Норской мануфактуре были травмы, полученные рабочими по неосторожности и халатности, в частности при чистке машин на ходу (что категорически запрещалось внутренним регламентом), а также «во время баловства». И если техникой безопасности при очистке машин пренебрегали одинаково как женщины, так и мужчины, то случаи получения увечий в результате «баловства» случались на фабрике исключительно с представителями мужского пола, чаще всего – с молодежью. Так, например, ставельщик Константин Морозов, «балуясь», порезал веко, а Иван Кокорев получил «порезанную рану» предплечья [10].

Конечно же, подобные случаи не могли сравниться по силе воздействия с увечьями, получаемыми рабочими и работницами из-за нарушения техники безопасности при работе станков. Женщины в подобных ситуациях преимущественно получали небольшие повреждения, а именно: ушибы и ссадины пальцев, предплечий, пяток, в то время как у мужчин встречались раздробление костей пальцев, разорванные раны ладоней, срывы ногтей, разрывы сухожилий и связок, вплоть до ампутации руки [11].

Достаточное распространение на фабрике имел и бытовой травматизм, непосредственно не связанный с рабочим процессом. «Лидерами» здесь оставались мужчины, в то время как женщины могли пораниться, например, в результате «кружения головы», осложнения травм, полученных в процессе ведения домашнего хозяйства и др. Рабочие же чаще травмировались, «толкая друг друга», «хулиганя», «балуясь» или «обливаясь горячим чаем» [12].

На увеличение числа заболеваний и травм не могли не влиять и экстренные ситуации, случившиеся на производстве. Примером может стать пожар на Норской мануфактуре в июле 1901 г., когда раненых фабричная статистика фиксировала на протяжении трех дней. Всего за время инцидента пострадало 16 рабочих и 5 работниц. В отсутствие более полных сведений о данном происшествии сложно сказать, как именно развивались события на предприятии в день пожара, но характер травм женщин и мужчин можно считать схожим: колотые раны, порезы, ушибы, ссадины рук и ног, ушибы спины, бедра, груди, уха, ожоги, попадание в глаза инородных тел, растяжения. Очевиден также широкий разброс должностей, занимаемых пострадавшими: водовоз, присучальщик, подъемщик машин, токарь, слесарь, смотритель, банкоброшница, катушечница, ленточница, тазовщица, что позволяют сделать вывод о том, что ранения были получены работниками не в результате беспорядочного бегства с места происшествия, а при непосредственном участии в ликвидации пожара.

В большинстве случаев рабочие после получения травмы лечились без отрыва от производства и, получив травму, продолжали трудиться, посещая больницу после отработанной смены или спустя несколько дней, что в ряде случаев приводило к осложнениям.

Число больничных на фабрике обычно было невелико; их продолжительность варьировалась в среднем от 3 до 14 дней. Иногда время освобождения от работ могло доходить и до 1,5 месяцев. Рабочие из страха перед увольнением могли не посещать больницу или вовсе скрывать свои недуги, из чего следует, что статистика по заболеваемости и травматизму не в полной мере отражает реальную картину производственной повседневности.

Многие тяжелые работы на фабрике приходилось вручную выполнять не только мужчинам, но и женщинам: перевалка пряжи, подноска ровницы, шпулей, катушек и т. д. Работницы, как

и рабочие, обычно работали босиком, а беспорядок на рабочих местах (на полу валялись катушки, иголки, проволока, стекла, гвозди и др.) регулярно становился дополнительным источником травматизма. Вдобавок ко всему работницы практически не брали отпусков по беременности и родам (соответствующих «заболеваний» в ведомостях на начало столетия значится всего 10 из почти 4 тысяч случаев заболеваний и травм). Многие из них сразу же с фабрики уходили в родильное отделение больницы.

Нелегкой была жизнь и за пределами предприятия. У норских текстильщиц отмечались все традиционные проблемы женщин рабочей среды: низкие зарплаты и пособия, штрафы (за опоздания, прогулы, небрежную работу, а у мужчин – за драки, ругань, игру в карты на деньги [13] и др.), высокие цены на продукты в фабричном лабазе, наличие большого количества питейных заведений в округе предприятия, бытовая неустроенность жилищ (большая скученность проживания в казармах, антисанитария, паразиты, плохое освещение) и т. д. Возможно, скрасить досуг рабочих и, соответственно, повысить уровень жизни их семей могли организованные при фабрике в конце XIX–начале XX столетий библиотека, общество трезвости, актерская труппа, но, по воспоминаниям современников, развлекательные представления и мероприятия религиозно-нравственного характера не вызывали в рабочей среде большого энтузиазма.

Несмотря на то, что в рассматриваемый период, когда происходило развитие и становление фабричного законодательства Российской империи, женский труд становился все более предпочтительным по сравнению с мужским трудом, условия труда на предприятиях, производственная повседневность женщин улучшались медленно.

Норская мануфактура на рубеже XIX–XX веков представляла собой крупную фабрику, работавшую на отечественном и привозном хлопке, оснащенную передовым иностранным оборудованием, системой электрического и газового освещения. Мануфактура вырабатывала более полутора тысяч пудов пряжи в год и снабжала своей продукцией два десятка фабрик Центральной России. Тем не менее, несмотря на успешную работу, предприятие, как уже отмечалось выше, не стремилось реализовывать долгосрочные социальные программы для своих рабочих.

Тяжелые условия труда, вредная для здоровья обстановка на фабрике и в быту, малое количество

культурных учреждений и, наоборот, большое число «злачных» мест в округе мануфактуры снижали качество жизни фабричных людей. Более того, женщинам-работницам, в условиях сохранения традиционных гендерных ролей и статусов, наравне с мужчинами приходилось не только сносить все тяготы трудового процесса и бытовую неустроенность, но и перенимать традиционно мужские роли, в ряде случаев беря на себя ответственность за благополучие семьи.

Ссылки

1. Пушкарева Н. Л. Женский труд и женские занятия в структурах российской повседневности X–XVII вв. // Информационный портал женского освободительного движения Womenation.org. URL: <http://womensation.org> (дата обращения: 25.07.2017).
2. Марасанова В. М., Албегова И. Ф., Шамактонова Г. Л. Женщины и профессионально-политические организации в Ярославской губернии на рубеже XIX–XX вв. // *Женщина в российском обществе*. 2013. № 2. С. 60–69.
3. Частное и общественное: гендерный аспект. Материалы Четвертой международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 20–22 октября 2011 г., Ярославль. М., 2011. Т. 1. 555 с.
4. АДАМ И ЕВА. Альманах гендерной истории. М., 2014. № 22. 286 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1887. Т. 5, № 3013.
6. Валетов Т. Я. Фабричное законодательство в России до Октябрьской революции // *Экономическая история. Обзорение*. М., 2007. С. 34–44. (Сер. «Труды исторического факультета МГУ»)
7. «Не рублем единым»: трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России / Л. И. Бородкин, Т. Я. Валетов, Ю. Б. Смирнова, И. В. Шильникова. М.: РОССПЭН, 2010. 534 с.
8. Смирнова Ю. Б. Социальная политика Российских предпринимателей в последней четверти XIX–начале XX века (на примере текстильных предприятий Верхневолжья) // *Историки: Формирование исторической школы в Ярославском государственном университете: сборник воспоминаний и материалов*. Иваново, 2016. С. 82–90.
9. Виноградов М. В., Землянский А. Ф., Карасев С. М. «Красный Перевал»: Очерки истории фабрики. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1976. 295 с.
10. ГАЯО. Ф. 675. Оп.1. Д. 738. Л. 1 об.–2, 9 об.–10.
11. ГАЯО. Ф. 675. Оп.1. Д. 192. Л. 45–45 об.
12. ГАЯО. Ф. 675. Оп.1. Д. 180. Л. 15 об.–16.
13. ГАЯО. Ф. 675. Оп.1. Д. 168. Л. 36 об.–37, 45 об.–46.